

- Западов А. Отец русской поэзии. М., 1961.
 Лебедев Е. Огонь – его родитель. М., 1976.
 Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т.8. М.-Л., 1959.
 Магомедова Д.М. Стихотворный диалог как поэтический манифест // Анализ художественного текста лирического произведения. Хрестоматия. М., РГГУ, 2004. С.287-296.
 Макогоненко Г.П. Пути развития русской поэзии XVIII века // Поэты XVIII века. Т.1. Л., 1972.
 Сазонова Л. О драматургическом компоненте в одах Ломоносова // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С.368-374.
 Салова С.А. «Миф об Анакреонте» в рецепции М.В. Ломоносова // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. СПб, Самара, 2001. С.75-83.
 Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост.: Л.И.Тимофеев и С.В.Тураев. М., 1974.

Р.А.Бакиров

Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Ломоносовский антимиф в поэзии Н.А.Львова

Появление писательского мифа (как мифа о писателе) является одним из интереснейших явлений литературы. Однако не менее важным и самобытным представляется развитие «антимифа» - по аналогии с созвучным ему лихачевским «антимиром» [Лихачев 1984], развивающий альтернативную перевернутую модель определенного мира/мифа. Личность и творчество М.В.Ломоносова как одного из величайших деятелей русской культуры не могло не быть осмыслено им самим, его современниками и потомками [Лебедев 2008; О творчестве Ломоносова... 2008] сквозь призму данной модели «миф-антимиф».

Одним из почитателей и активнейших наследников некоторых творческих принципов Ломоносова являлся и М.Н.Муравьев, чьему перу принадлежит известное «Похвальное слово Михайле Васильевичу Ломоносову», в котором в том числе говорится о великом просветителе и то, что «и так уже должен он был избрать себе путь особенный, путь, в котором вкупе странствовал он и предводительствовал сам себе». Как видим, Муравьев одним из главнейших качеств признает, при оценке дара Ломоносова, самостоятельность и оригинальность его научного и творческого пути. Сходную оценку у

Муравьева уже треть века спустя получает другой универсальный человек эпохи, его близкий друг, Н.А.Львов, который был «собственный свой путеводитель, приобрел не в одних приятных искусстваах, но и во всех почти областях человеческого знания обширные сведения» («Краткое сведение о жизни г<осподина> тайного советника Львова»). Сходство Ломоносова и Львова отнюдь не случайно, они действительно вполне сопоставимы в своем универсализме и самостоятельности творческого пути. Тем интереснее проследить отражение в поэзии Н.А.Львова некоторых творческого наследия Ломоносова. И здесь сразу следует внести небольшое уточнение в уже сложившуюся теорию поэтики Львова, основная черта которой определяется как «нестремление» за пределы «литературной домашности» [Милюгина, Строганов 2008: 158]. «Домашность» в случае с Львовым скорее является не основной (в этом случае ряд законных вопросов вызывает, к примеру, авторское неопубликованное «рукописное собрание сочинений» Н.А.Львова [Китанина 2003]), а «под-чертой» творчества, одной из разновидностей литературной игры, притом не только в поэзии, но также и в драматургии и эпистолярной [Пашкуров 2010], в несомненной связи с развитием игровых тенденций в литературе предромантизма [Каргаполов 1983; Федосеева 2006; Луков 2006]. Игра становится доминирующим принципом и в восприятии Львовым ломоносовского феномена – сквозь призму антимифа как одного из типично-игровых принципов.

Наиболее явно ломоносовский антимиф представлен у Львова в незаконченной поэме «Добрыня». Знаменитая инвектива в адрес Ломоносова: «Правда, был у нас сын усилия, / Он и трудности пересиливал / Дарованием сверхъестественным, / Легким делывал невозможное / Властью русского словословия. / Он ногами бил землю бурными; / Под его пятой богатырскою / И Ливан кремнист, как тростник трещал; / Упомял росой гром и молнию, / Кораблем дерзал без глагола в путь; / Развивал он мрак и пески крутил; / Но не так-то, чтоб (правду вымолвить) / Дело кончилось без увечия / И кроителю и кроеному» [Львов 1994: 197] – сопровождается множеством сносок, в кото-

рых указываются исходные спародированные элементы из од Ломоносова. Однако в «Добрыне» также «Львов ведет речь о том, что Ломоносов, перенесший на русскую языковую почву немецкую систему стихосложения, преодолел трудности этой «прививки» [Милюгина, Строганов 2008: 137]. Таким образом, у Львова здесь присутствует вполне игровая зыбкость и относительность в определении места ломоносовского творчества, в мире антимифа все предстает «игрой без границ». Разумеется, напрашивается и аналогия с сумароковскими «Вздорными одами» (учитывая и часто встречающееся у Львова автоопределение многих своих произведений как «вздорных сочинений» [Лазарчук 1970: 30]), однако последние исследования по поэтике сумароковских пародийных од ставят вопрос их пародийном характере по отношению именно к творчеству Ломоносова [Алексеева 2008], и, следовательно, мы уже можем говорить о большой самостоятельности и оригинальности антимифа у Львова.

Не менее интересна трактовка Львовым в поле ломоносовского антимифа некоторых теоретико-литературных установок Ломоносова. В «Ботаническом путешествии на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня», травестийное по своему характеру произведение [Лазарчук 1970] оказывается посвященным «Восхождению» героев к постижению научных тайн на Дудорову гору. Таким образом, аллегорически травестируется ломоносовский «лирический восторг», наследованный им *furore poetico* неоплатонического типа [Алексеева 2005]. Хрестоматийное «Восторг внезапный ум пленил, / Ведет на верьх горы высокой...» переводится в буквальный и снижено-перевернутый план «Путешествия...». Здесь же реализуется (разумеется, только в пространстве игры, без выхода на уровень серьезных размышлений) и некоторая насмешка Львова над «научной поэзией», столь любимой Ломоносовым - герои наполняют «воз латынской трухи», вместо же научного отчета об итогах экспедиции пишется письмо со стихотворными включениями. Теория «лирического восторга» травестийно развивается и в весьма своеобразном послании Львова «Три «Нет» - в противовес ломоносовской одической торжест-

венности и величавой восторженности львовский герой, достигая «верха», смеется над миром: «К Любви превыспренний и вечной / На крыльях радостных взовьюсь / И, легок тем, что не боюсь, / Повыше, чем летал, пушусь, / Взыграю, закружусь / И сверху засмеюсь. / И пред Христом не усмирюсь...» [Львов 1994: 79] –Своеобразный богоборческий мотив, кстати, здесь в чем-то заочно кореллирует и с еще одним знаменитым «жизненным принципом» из эпистолярия Ломоносова: «Не токмо у стола знатных господ <...> дураком быть не хочу, но ниже у самого господа бога...» [Ломоносов 1987: 334] – однако в этом отношении у Львова в контексте всего его творчества мы видим обратное ломоносовскому принципу – поэт не усмирится перед Богом не в своем великом уме, а, наоборот, в своем игровом «дурачестве», игра под маской «простака», маской «поэта-дилетанта» [Западов 1989: 68] продолжится и на том свете, масочно-игровая свобода провозглашается автогероем Львова вечным и главнейшим принципом существования.

Возможной представляется реализация ломоносовского антимифа и в известном раннем львовском стихотворении «Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8», опубликованном впервые в «Собеседнике любителей русского слова», части 1 за 1783 год [Лаппо-Данилевский 1994: 396]. «Значительность этого сочинения Львова в автобиографическом отношении» [Коплан 1927: 718] (дата в названии – 8 ноября 1780 года полностью совпадает с датой женитьбы Львова на М.А. Дьяковой) уже давно доказана исследователями и даже была последовательно проведена (вполне в духе львовской игры) мифологизация [Глумов 1980], а затем и демифологизация женитьбы писателя, реально-биографического плана данного стихотворения [Агамаян 2003; Лаппо-Данилевский 1997]. Однако многомерность игры в творчестве Львова дает возможность внести дополнительный план в подтекстовую структуру «Идиллии...». В журнальной публикации стихотворение разбито на несколько строф. Первая строфа состоит из десяти одических строк, написанных 4-стопным ямбом со схемой рифмовки аБаБввГддГВ. Подобная же структура стиха встречается в русской одописи не так часто - у Ломоносова, например,

только один раз в его ранней «Хотинской оде», для других од Ломоносова характерна уже совершенно иная рифмовка [Тарановский 1966]. Существенно, что дата в названии совпадает также и с датой рождения М.В.Ломоносова (8 ноября 1711 года по старому стилю). Таким образом, мы можем говорить о вероятной сознательной дополнительной отсылке Львова (пусть даже в пределах одной игровой строфы) к М.В.Ломоносову в границах все того же ломоносовского антимифа – вместо оды Львов пишет идиллию, употребляя общие для обоих жанров приметы в экспозиции (*locus amoenus* и сопутствующие топосы тишины, зефира, и т.д.) и при этом аллегорически подразумевая не государственное событие, а собственный брак – вполне логичное травестирование ломоносовской художественной системы. В следующем же номере «Собеседника» в анонимном «Послании к господам издателям „Собеседника“ от Любослова» содержится критика стихотворения Н.А.Львова: «...Одним словом, во всей идиллии только 142 стиха, а рифм, состоящих из глаголов, 106. Такое употребление весьма несвойственно российскому стихотворству и подражанию г.Ломоносова» [Лаппо-Данилевский 1994: 396]. Неизвестным критиком подчеркивается именно несоответствие произведения ломоносовской поэтической традиции – в таком случае можно говорить и о возможности атрибуции данного критического пассажа перу самого Львова. Надевая одну из своих масок, Львов играет, актуализируя в сознании читателей в неявной форме именно «ломоносовский» подтекст, развивающийся в творчестве Н.А.Львова как составляющая ломоносовского антимифа.

Литература

- Агамалян Л.Г. Н.А.Львов – А.Н.Оленину: послания в прозе и стихах // Гений вкуса: Н.А.Львов. Материалы и исследования. Сборник 3. Тверь, 2003. С.202-216.
- Алексеева Н.Ю. Вздорные оды А.П. Сумарокова в их отношении к его торжественным одам // XVIII век. Сборник 25. СПб., 2008. С.4-26.
- Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005.
- Глумов А.Н. Н.А. Львов. М., 1980.
- Западов В.А. Проблема литературного сервилизма и дилентатизма и поэтическая позиция Г.Р. Державина // XVIII век. Сборник 16. Л., 1989. С.56-75.
- Каргаполов Н.А. Игровое начало в «Почте духов»... // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1983. С.99-111.

Китанина Т.А. «Что в сей книге находится»: Рукописное собрание сочинений Н.А.Львова // Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования. Сборник 3. Тверь, 2003. С.96-114.

Коплан Б.И. К истории жизни и творчества Н.А.Львова // Известия АН СССР. Сер.6. Т. 21. № 7-8. Л., 1927. С.699-726.

Лазарчук Р.М. Послание Н.А. Львова и его роль в литературной борьбе 1790-х – начала 1810 – х гг. // Филологический сборник (статьи и исследования). Уч.записки Лен.гос.пед.института им.А.И.Герцена. Л., Т.460, 1970. С.29-45.

Лаппо-Данилевский К.Ю. Комментарии // Львов Н.А.Избранные сочинения. Кельн; Веймар; Вена; СПб., 1994. С.394-417.

Лаппо-Данилевский К.Ю. О тайной женитьбе Н. Львова // Новое литературное обозрение. 1997. №23. М., 1997. С.132-144.

Лебедев Е.Н. Ломоносов. М., 2008.

Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л, 1984.

Ломоносов М.В. Сочинения. М., 1987.

Луков Вл.А. Предромантизм. М., 2006.

Львов Н.А. Избранные сочинения. Кельн; Веймар; Вена; СПб., 1994.

Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Гений вкуса 5: Н.А. Львов. Итоги и проблемы изучения: Монография. Тверь, 2008.

О творчестве Ломоносова: Критика и исследования / Сост. Т.П. Аранзон. М., 2008.

Пашкуров А.Н. Феномен «игрового» отрывка в письмах М.Н.Муравьева и Н.А.Львова (1770-1790-е годы) // Михаил Муравьев и его время. Казань, 2010. С.43-51.

Тарановский К.Ф Из истории русского стиха XVIII в. (Одическая строфа AbAb // CcdEEd в поэзии Ломоносова) // XVIII век. Сборник 7. М.; Л., 1966. С.106–115.

Федосеева Т.В. Теоретико-методологические основания литературы русского предромантизма. М., 2006.